

*Чудинова Я.С., магистрант
3 курс, Высшая школа экономики, управления и права,
Северный (Арктический) федеральный университет имени
М.В. Ломоносова
Россия, г. Архангельск*

ПРИСВОЕНИЕ ИЛИ РАСТРАТА: ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ

***Аннотация.** В статье рассмотрены актуальные аспекты регулирования уголовной ответственности за присвоение или растрату. На основании анализа законодательства и правоприменительной практики отмечены проблемные вопросы квалификации ответственности за присвоение или растрату. Сделан вывод о необходимости совершенствования конструкции уголовного состава присвоения или растраты как эффективного способа противодействия данному преступлению.*

***Ключевые слова:** растрата, хищение имущества, присвоение, служебное положение.*

***Abstract.** The article discusses the current aspects of the regulation of criminal liability for embezzlement or embezzlement. Based on the analysis of legislation and law enforcement practice, problematic issues of qualification of responsibility for embezzlement or embezzlement are noted. The conclusion is made about the need to improve the design of the criminal structure of embezzlement or embezzlement as an effective way to counteract this crime.*

***Keywords:** embezzlement, theft of property, appropriation, official position.*

Вопросы противодействия присвоению или растрате приобретают особую актуальность в контексте общей уголовно-правовой политики

государства, направленной на снижение уровня экономической преступности. Присвоение или растрата, ответственность за совершение которых установлена положениями ст. 160 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [1], признаются формами хищения. Под присвоением подразумеваются действия, которые изменяют правомерное владение чужим имуществом, которое было вверено лицу с определённой целью или для выполнения определённых функций, на неправомерное с возможностью распоряжаться имуществом как угодно присваивающему. Природа растраты заключается в том, что виновный не завладевает вверенным ему имуществом, а передаёт его другим, третьим лицам, а моментом окончания преступления является момент отчуждения чужого имущества. Ущерб же от этих действий может быть нанесён позже.

Проблемы отграничения присвоения от растраты можно проиллюстрировать наличием в доктрине двух подходов по вопросу об их соотношении. С позиций первого подхода растрата является продолжением присвоения, они имеют глубокую юридическую связь и взаимодополняют друг друга. Растрата в этом случае является следующим этапом после присвоения, т.е. для того, чтобы растратить вверенное имущество, его необходимо для начала присвоить, что заключается в решении о невозвращении этого имущества собственнику и использовании его в своих интересах. Другой подход предполагает, что присвоение и растрата являются самостоятельными формами хищения, которые осуществляются вне зависимости от друг друга.

Неверное разграничение форм хищения между собой и со смежными составами является основной проблемой квалификации. Так на практике могут возникнуть проблемы квалификации хищения в форме присвоения или растраты, или же как мошенничества, так как сложность заключается в том, было ли имущество вверено виновному лицу в силу договорных отношений или служебного положения. Для решения этого вопроса следует отталкиваться

от того, когда возник умысел на хищение имущества, и владел ли преступник этим имуществом на законных основаниях.

Актуальной проблемой является вопрос о квалификации присвоения или растраты с иными составами хищений, которые обладают схожестью определённой части признаков. Субъект присвоения и растраты носит специальный характер, который устанавливает, что им может быть только лицо, которому было вверено имущество, ему не принадлежащее. Тайное хищение подразумевает отсутствие у преступника каких-либо правомочий в отношении чужого имущества, поэтому даже наличие правомерного доступа к этому имуществу не влечет за собой квалификацию по ст. 160 УК РФ [4, с. 15].

Примером этого является приговор № 1-42/2016 от 17 февраля 2016 г. по делу № 1-42/201660, где Самойленко, принявший на себя полную материальную ответственность за недостачу вверенного ему работодателем имущества, в силу своего служебного положения, совершил хищение лома чёрных металлов, путём изготовления подложных документов. Его действия были квалифицированы по ч. 3 ст. 160 УК РФ. Из фактуры, предъявленного обвинения следует, что Самойленко работал заместителем начальника вышкомонтажного цеха, в связи с порученной работой по договору подряда имел доступ к лому черных металлов, принадлежащих вышеуказанному обществу. Похищенное Самойленко имущество ему не вверялось, следовательно данное имущество не находилось в его правомерном владении либо ведении, он имел к нему доступ в связи с выполняемой работой по договору подряда. В данном случае имела место кража. Поскольку эти обстоятельства очевидны и следуют из предъявленного Самойленко М. Н. обвинения, его действия подлежат перекалфикации с ч. 3 ст. 160 УК РФ на ч. 1 ст. 158 УК РФ [2].

Кражи в большей своей частью выступают как единовременное самостоятельное преступление, в то время как присвоения или растраты чаще

всего представляют собой многоэпизодные действия, которые направлены на присвоение или растрату вверенного имущества. То есть даже если хищение в форме кражи выступало в нескольких эпизодах, они будут рассматриваться по отдельности, в то время как присвоение или растрата чаще всего рассматриваются в совокупности. Совершение кражи предполагает отсутствие у преступника правомочий на появление в помещении, жилище или хранилище, а также цель совершить хищение имущества, которое ему не принадлежит.

Мошенник может завладеть правами на чужое имущество путём обмана и злоупотреблением доверия, что ярко показывает специфику мошенничества, когда виновное лицо не изымает имущество, а приобретает на него права. Обман, как инструмент мошеннической деятельности является главным способом завладения чужим имуществом, правами на имущество потерпевшего. Мошенник действует, злоупотребляя доверием и пользуясь доверительным отношением к себе со стороны потерпевшего, которое выражается в виде длительного знакомства, дружеских или родственных отношений, должностного положения и др., совершая хищения имущества, ему не принадлежащего, или приобретая права на имущество потерпевшего [3, с. 65].

Актуальным вопросом правоприменения является неверное разграничение присвоения и растраты между собой и со смежными составами. Так для разграничения присвоения и растраты между собой, в силу того, что эти формы хищения не могут дополнять друг друга и не являются следующим этапом деяния для друг друга, законодателю следует изменить трактовку ст.160 УК РФ, а именно убрать вариативность выбора формы деяния, заменив «или» на «либо», что в свою очередь исключит возможность неверной квалификации деяний как совокупности присвоения и растраты.

Можно сделать вывод, что правильная квалификация присвоения или растраты выступает одним из наиболее эффективных способов уголовно-

правового противодействия данным преступлениям. Ошибки в правоприменении могут быть нейтрализованы совершенствованием уголовно-правовой конструкции присвоения или растраты.

Библиографический список:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // Российская газета. N 113-115. 18-20.06.96.
2. Приговор Кондинского районного суда Ханты-Мансийского автономного округа № 1-42/2016 от 17 февраля 2016 г. по делу № 1-42/2016. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/DS18SuYs6prj/> (дата обращения: 01.08.2022).
3. Бугера Н.Н., Обернихина О.В. Присвоение и растрата, совершаемые лицом с использованием своего служебного положения (анализ судебной практики) // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2021. № 1 (54). С. 63-67.
4. Кондрашина И.А. Вопросы, возникающие при отграничении кражи от присвоения или растраты // Государство и право в современном мире. 2018. № 1. С. 12-19.